

Ханзафарова Диля Линаровна

заведующий специальным экспертным отделом ФБУ Средне-Волжский РЦСЭ Минюста России

Абитов Ильдар Равильевич

старший государственный судебный эксперт ФБУ Средне-Волжский РЦСЭ Минюста России; доцент кафедры клинической психологии и психологии личности Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат психологических наук

Акбирова Резеда Раисовна

государственный судебный эксперт ФБУ Средне-Волжский РЦСЭ Минюста России

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОСЯГАТЕЛЕЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Преступления против половой неприкосновенности (ст.ст. 131–135 УК РФ) – группа, включающая в себя обширный список преступлений, в том числе подразумевающих санкции в отношении лиц, совершающих так называемые действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Объективно оценить масштаб преступлений против половой неприкосновенности на сегодняшний день не представляется возможным в связи с тем, что они относятся к разряду высоколатентных преступлений, т. е. о количестве фактически совершенных преступлений данной группы можно судить только по зарегистрированным случаям. Е.П. Новикова, ссылаясь на данные Федеральной службы государственной статистики, указывает, что в 2017 году в России зарегистрировано 3000 насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних [1].

Необходимость разработки и научного освещения рассматриваемой темы особенно остро ощущается в связи с наличием относительно нового канала информационного влияния на несовершеннолетних – информационной сети Интернет. Так, ст. 135 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за развратные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних без применения насилия. Педофилы быстро начали

осваивать уникальные свойства современных средств связи и интернет-технологий: среди причин роста можно назвать возможность сохранять анонимность в общении и пользоваться любой удобной «маской», возможность мгновенного контакта с большим количеством пользователей разных возрастов, наконец, возможность скоростного обмена видео- и фотоинформацией. Развитие информационных технологий и повсеместное использование сети Интернет породило новый путь совершения преступлений – всё чаще в качестве доказательства по делу выступает переписка в социальных сетях, обмен текстовой и аудиовизуальной информацией посредством мессенджинговых программ, СМС-сообщений и т. д.

Многие исследователи в области права отмечают «резервный» характер ст. 135 УК РФ [2]. Действительно судебная практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев т. н. развратные действия предваряют преступления, закрепленные, например, в ст. 132 УК РФ, либо сопутствуют им. Как показывает экспертная практика, предположения следователей подтверждаются – в ходе переписок с несовершеннолетними взрослые собеседники зачастую не ограничиваются целью «развратить», то есть пробудить нездоровый интерес к сексуальным отношениям у несовершеннолетнего, идут дальше и склоняют собеседников ко встрече и непосредственному вступлению в сексуальную связь. Несмотря на некоторую расплывчатость формулировок, а также на изначальную вторичность, ст. 135 УК РФ, бесспорно, является неотъемлемой составляющей современного правового поля, защищающего несовершеннолетних. Это связано с необходимостью свести к минимуму риск формирования у несовершеннолетнего искаженного, деформированного представления о сексуальных отношениях.

Понятие «развратные действия» раскрывается как *действия, направленные на удовлетворение половой страсти виновного лица или на возбуждение у несовершеннолетнего нездорового полового влечения, не связанные с совершением полового акта, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера*. Перечисленные действия характеризуются тем, что они пробуждают нездоровый сексуальный интерес у несовершеннолетних, оказывают отрицательное, развращающее влияние на их развитие, воспитание, формируя правила непристойного, безнравственного поведения в отношениях между полами, и т. д. [3].

В зависимости от способа своего выражения развратные действия подразделяются на два вида: интеллектуальные и физические. К первому виду относятся проведение бесед сексуально-циничного содержания, ознакомление с порнографической литературой, воспроизведение соответствующих аудио- и видеозаписей, демонстрация иной порнопродукции (открыток, фотографий, рисунков и т. д.), подстрекательство подростков к сексуальным контактам между собой. Второй вид включает в себя прикосновения, об-

нажение половых органов потерпевших лиц, демонстрацию собственных половых органов (экспозиционизм), искусственное стимулирование эрогенных зон (мастурбация) либо сексуальные контакты (например, половое сношение, мужеложство, лесбиянство) в присутствии подростка. Обязательным признаком объективной стороны данного преступления служит отсутствие при его совершении какого-либо насилия, что предполагает явно выраженное согласие потерпевшего лица либо, по крайней мере, неоказание сопротивления с его стороны действиям развратника [4, с. 64].

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что при определении объема понятия «развратные действия» используется перечень деяний (т. н. «физические» и «интеллектуальные» деяния).

Зачастую в качестве вещественных доказательств совершенного преступления выступают переписки лица, достигшего 16-летнего возраста, с несовершеннолетними лицами, проводимые при помощи электронных средств связи (СМС-сообщения, электронные программы для обмена сообщениями, а также переписки в социальных сетях).

Следует отметить, что преступления сексуальной направленности, совершаемые против несовершеннолетних с использованием сети Интернет, могут нести серьезную угрозу по нескольким причинам. Так, Ф.С. Сафуанов и Н.В. Докучаева отмечают, что более 90 % таких преступлений остаются невыявленными [5]. Это приводит к повторным правонарушениям со стороны совершеннолетних пользователей социальных сетей и мессенджеров, ведущих подобные переписки. В процессе таких переписок несовершеннолетним участникам часто пересылаются материалы порнографического содержания (фото-видеоизображения). Дж. Брайант и С. Рокуэлл отмечают, что при определенных условиях потребление сексуально ориентированных материалов у подростков в возрасте 13–14 лет может привести к существенному изменению их моральных представлений (в частности отношения к сексуальным контактам вне брака) [6].

При исследовании текстов переписок перед экспертом ставится вопрос о наличии в исследуемом материале обсуждения сексуальной тематики. Таким образом, общей экспертной задачей при анализе подобного рода переписок становится выявление принадлежности той или иной обсуждаемой темы к разряду «сексуальных», что непременно влечет за собой вопрос: каковы границы семантического поля «сексуальная тематика», какие темы входят в круг этих тем, а какие – нет.

В экспертной практике был выявлен круг тем, относимых к «сексуальной тематике», являющейся жанрообразующим для т. н. секстинга:

– обсуждение непосредственно полового сношения (перечисление действий, описание половых органов; использование эвфемизмов (слов, заме-

няющих другое, не удобное для данной обстановки, или грубое, непристойное) сексуального акта, а также половых органов);

– обсуждение орально-, анально-генитальных и проч. контактов (манипуляции с включением половых органов и рта, анального отверстия и ягодиц, груди);

– вербальная имитация любовной прелюдии, а также непосредственно физической близости между собеседниками.

Не вызывает сомнений то, что под «сексуальной тематикой» в первую очередь понимается обсуждение половых отношений, действий, половых органов. Чаще всего эксперту представляются на исследование тексты, содержащие именно такой круг тем.

В отдельную группу, относящуюся к семантическому полю «секс», можно отнести слова (как правило, глаголы), обозначающие сексуальную игру, интимную «прелюдию»: «шалить», «мацать», «лапать» и проч. Так, частотный глагол «шалить» используется еще и в качестве эвфемизма и косвенно свидетельствует о понимании преступником противоправности совершаемых им действий: *Давай шалить // это приятно, девочки в 6 лет шалят.*

В рамках данного исследования был обобщен опыт проведения комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз в ФБУ Средне-Волжский РЦСЭ Минюста России за период 2016–2020 гг. В качестве объектов экспертных исследований рассмотрены тексты интернет-переписок совершеннолетних посягателей с потерпевшими в возрасте от 8 до 15 лет.

В ходе анализа нами были выделены 3 этапа коммуникации.

I. Этап знакомства.

На первом этапе правонарушитель устанавливает контакт с несовершеннолетним.

На данном этапе коммуникации совершеннолетние собеседники используют ряд приемов оказания воздействия на жертв. Можно выделить такие распространенные приемы, как комплимент (*Какая ты красивая!; Привет, принцесса; ты прекрасна; Увидел твои глаза и влюбился; Так нравится твоя фигура в платье:)),* создание неформальных отношений (обращение в уменьшительно-ласкательной форме: *Привет, Анечка).*

II. Этап установления доверительных отношений и формирования представления о противозаконном действии как допустимом.

На данном этапе посягатель стремится установить с жертвой доверительные отношения и, чаще всего, не заявляет об истинных целях коммуникации. В частности, совершеннолетний коммуникант может выяснять, в каком городе или районе проживает несовершеннолетний собеседник, чем любит заниматься.

На втором этапе посягатель называет свой возраст, чаще всего не соответствующий действительному (в большинстве случаев нарушитель зани-

жает свой реальный возраст). В ряде случаев данная информация является ответом на вопрос ребенка, однако зачастую преступник сразу предупреждает собеседника о том, что он старше, и спрашивает, не пугает ли несовершеннолетнего то, что партнер по общению старше его, или убеждает в возможности любовных отношений между совершеннолетними и несовершеннолетними. Для достижения этой цели могут использоваться манипулятивные приемы, основанные на принципе социального доказательства. При этом посягатель приводит якобы известные ему примеры, когда девочки одного с несовершеннолетней собеседницей возраста или младше нее вступали в сексуальные или романтические отношения со взрослыми мужчинами (*я сам видел как 17-22-летние встречаются с девчонками, которым 11-15 лет, и ничего страшного в этом нету; Девочки в 6 лет со взрослыми дядями шалят...; Это правда, могу фото показать, если не веришь; Просто тебе слабо! А все топовые девочки показали бы; кстати моей даме недавно 16 стукнуло, и она окончила 9 класс:)). Отдельно отметим, что в обозначенной ситуации коммуникации демонстрация фото- и видеоматериалов порнографического содержания нередко используется взрослыми в качестве «доказательства» допустимости совершаемых действий (*И в 5 шалят, могу фото показать // Это приятно, правда*).*

Распространенным приемом воздействия на несовершеннолетних девочек является предложение романтических отношений, ухаживаний: *у тебя парень есть?; хотел отношения предложить и секс; Мальчики твоего возраста не умеют, а я люблю ухаживать за девочками; Подарки любишь? // Большой букет цветов выбираешь или мишку?*

III. Особым манипулятивным приемом является простое информирование собеседника о желании взрослого совершить с ним сексуальные действия либо информирование несовершеннолетнего о его готовности к вступлению в сексуальные отношения – таким образом создается представление о возможности сексуального контакта со взрослым: *Тебя тоже надо // Ты готова // И морально и вообще // Ну это только в мечтах; Так хочется [ценз. – вступить в сексуальные отношения] // С тобой наверно ☺*.

На третьем этапе совершеннолетний коммуникант объявляет о своей истинной цели либо стремится реализовать ее.

Для достижения своих целей он может использовать такие психические автоматизмы партнера по общению, как стремление к получению легкой прибыли (*я хочу купить твои трусики за 500 ношенные*), приемы упрашивания (*Ну, постарайся, малыш. Одну фотку, умоляю*), угрозы и шантажа.

Так, от несовершеннолетнего требуют выполнения неких действий (продолжение диалога, отправка фото в обнаженном виде, приезд в определенное место), угрожая показать его фотографии, полученные ранее, или более ранние фрагменты переписок всем одноклассникам, «друзьям» в социаль-

ной сети: *Будешь, потому что обещала // Или я вообще расскажу всем, какая ты; и подумай, как стыдно будет твоим родным из-за тебя.*

На этом этапе может использоваться манипулятивная стратегия «нога в дверях», заключающаяся в том, что после получения согласия на одно заведомо невыгодное для партнера по общению условие ему навязываются еще более невыгодные условия, на которые после первого согласия он склонен соглашаться (*ну неохота мне на улице целоваться и трогать попку, чтоб все видели; заодно можно кончить в унитаз; можно?; если ты поможешь [совершить эякуляцию], быстрее будет?; поможешь?*).

В некоторых случаях совершеннолетний коммуникант не предлагает вступить с ним в сексуальный контакт и не просит прислать ему свои фотоизображения. Так, действия совершеннолетнего посягателя могут быть направлены на получение информации о другом ребенке и его поведении в определенной ситуации (*я с ней вообще не знаком, она мне вконтакте с первого взгляда понравилась* [речь идет об однокласснице несовершеннолетнего коммуниканта]). *Если я ее с силой поцелую: 1. В щечку, то, как думаешь, она расскажет, или она ничего никому не расскажет, и если расскажет, то кому? 2. В губы, то, как думаешь, она расскажет, или она ничего никому не расскажет, и если расскажет, то кому? 3. в засос с язычком, то, как думаешь, она расскажет, или она ничего никому не расскажет, и если расскажет, то кому? Ответы: не знаю, скорее всего, 50/50 и тому подобные ответы не принимаются. Отвечай на каждый вопрос отдельно под цифрами, как у меня заданы вопросы).*

В качестве основных целей коммуникации могут выступать: 1) планирование встречи и вступление в сексуальный контакт; 2) получение фотоизображений несовершеннолетнего в обнаженном виде или в нижнем белье, фотоизображений интимных частей тела; 3) достижение сексуального возбуждения и удовлетворение сексуальных потребностей в процессе диалога в сети Интернет (секстинга).

Следует отметить, что зачастую второй и третий этапы в переписке объединены: побуждение к встрече со взрослым подкрепляется соответствующей информацией о допустимости встречи; побуждение прислать свое фотоизображение перемежается с обещаниями вознаграждения и т. д.

В экспертной практике встречаются случаи, когда в качестве партнера посягателя по общению выступает взрослый, ведущий переписку от лица несовершеннолетнего (например, родитель). При этом часто используется речевая провокация, которая может влиять на первоначальные цели посягателя. Так, если действия посягателя изначально были направлены на получение фотоизображений несовершеннолетнего, в том числе фотоизображений интимных частей тела, обсуждение полового акта, орально-, анально-генитальных контактов, то под воздействием коммуникативного поведения

собеседника, коммуникативная цель может измениться – так, под влиянием коммуникативного поведения родителя (*Ты придешь ко мне в гости?; Письки присылаешь, а придти не хочешь*) посягатель соглашается на встречу, предполагая, по всей видимости, возможность совершения орально-генитального полового акта (*Иду. Свет выключи, а то стесняться будешь*).

Таким образом, совершеннолетние посягатели используют широкий спектр приемов воздействия на несовершеннолетнего собеседника. Выбор данных приемов и особенности коммуникации зависят от целей посягателя, особенностей коммуникативного поведения несовершеннолетнего коммуниканта, этапа коммуникативного взаимодействия и ситуации, в которой разворачивается коммуникация.

Список источников:

1. Новикова Е.П. Криминологическая безопасность половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. – № 4. – 2018. – С. 199–203.
2. Лобанова Л.В. О «резервном» значении ст. 135 УК РФ. [Электронный ресурс] // Уголовное право. – 2014. – № 5. – СПС «КонсультантПлюс».
3. Пашина Е.А. Опыт лингвистического анализа по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 4 (44). – С. 62–65.
4. Островецкая Ю.А. Развратные действия : проблемы квалификации // Вестник ЮУрГУ. – № 38. – 2010. – Серия «Право». Выпуск 24. – С. 63–66.
5. Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. – 2015. – Т. 5. – № 4. – С. 80–93.
6. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.